

Яна Дубинянская

ГАУГРАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Яна Дубинянская

Гаугразский пленик

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Гаугразский пленник / Я. Ю. Дубинянская — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Глобальный социум — рациональный и комфортный мир далекого будущего, где люди живут в городах под куполами, детей воспитывают виртуальные «личностные программы», а природа дозированно используется для «экодосуга». Жизнь каждого предопределена от рождения до смерти «поэтапной социализацией». Гауграз — маленькая горная страна, единственный регион на Земле, сохранивший пестроту одежд и украшений, языков и обычаев, верований и легенд. Здесь женщины владеют магией, а мужчины рождаются и умирают воинами. Здесь превыше всего ценится свобода. Война на гаугразской границе ведется с незапамятных времен. Досадное неудобство для Глобального социума. Смысл жизни для Гауграза. Это война не окончится никогда. Но человек по прозвищу Пленник, рожденный в Глобальном социуме и ставший своим в Гаугразе, надеется расшатать вековое равновесие и добиться победы.

© Дубинянская Я. Ю.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Яна Дубинянская

Гаугразский пленник

Часть первая

Глава первая

По утрам меня будит, конечно, Воспиталька. Как всех детей.

Но вообще-то я люблю просыпаться пораньше, пока она еще спит. Я – жаворонок (кто не знает, в степной экосистеме есть такая птица). И подглядывать, как Воспиталька грузится. Иногда ее глючит, и тогда она сначала похожа на мальчишку. Роб говорит, это потому что Воспиталька еще его, для меня родители не стали инсталлировать новую, педагогические программы же очень дорогие. Адаптировали ту, что была, а она черт-те какого поколения, вот и выскакивают всякие глюки.

Роб – это мой брат. Ни у кого нет брата, а у меня есть. Только он уже очень-очень большой. И редко со мной разговаривает.

Но сегодня Воспиталька сразу загрузилась правильно. Единственное, что сначала по стене прокатились фиолетовые волны, но это ничего. Она красивая. У нее зеленые глаза, как у меня, и длинные светлые косички, какие будут у меня, когда я вырасту такая же большая. По моим расчетам, года через два. Правда, Роб говорил, что Воспиталька тоже вырастет и все равно останется старше. Жалко.

– Кто проснулся, тот встает! – закричала Воспиталька. Она всегда замечает, что я уже не сплю, как ни притворяйся.

– А потом – наоборот!!! – подхватила я, вскакивая в белых хлопьях постели.

Этот стих я сама придумала. Воспиталька говорит, что он ужас какой нелогичный.

Пока я заталкивала остатки постели в аннигилятор, включились остальные стены, медведи и ежики на них заиграли поднимальный марш, на потолке замигали разноцветные солнечки, а Гимнастиня начала показывать упражнения, сегодня совсем-совсем новые, хотя обычно, я давно заметила, она перепрограммируется заново каждые две недели. Воспиталька повторяла за ней, а я – за Воспиталькой, потому что так, как сама Гимнастиня, мне ни за что не сделать. Ну, может, потом, когда вырасту.

– А теперь – в душевую! – скомандовала Воспиталька.

В душе я сразу пресекла, что кто-то уже запускал сегодня водный режим. Роб, конечно, кому же еще, – мы с мамой и с папой знаем, как это дорого. Я собиралась переключить на ионный, честно-честно, только меню, кажется, подвисло… А что, Робу можно, а мне нельзя?!

– Юста! – укоризненно сказала Воспиталька, на минутку проявившись на двери.

– Некоторым можно, а мне нельзя? – я возмутилась, но Роба решила не выдавать. – И чего ты за мной подглядываешь?

– Ничего я не подглядываю, – обиделась она и пропала.

Я вздохнула и включила ионный душ. Хотя удовольствия с него ноль, сами знаете.

Когда вернулась в комнату, Воспиталька сказала, что мои родители сегодня очень торопились и заказали энергетические комплекты прямо в капсулу, чтобы поесть по пути на работу; а Робни отбыл с самого утра, кое-как перекусив на ходу, причем не взял связилки, заглушил маячок и даже не оставил якорных координат, чего делать никогда нельзя, – она надеется, уж я-то понимаю.

Короче, мы опять завтракаем одни – ясно. Но Воспиталька всегда объясняет подробно и не без морали, у нее такие настройки.

Я быстренько оделась. В синенький комбик, почти такой же, как старый зеленый, который позавчера аннигилировали, так жалко, – а всякие там конусильки в горошек ненавижу!!! Причесалась, вскочила на скользилку и на седьмой скорости помчалась в столовую. Если успевать на каждом повороте дотрагиваться до стены, то сбудется любое желание, какое загадаешь. Только на седьмой не очень-то дотронешься… Далька из нашей группы социализации говорит, что у нее дома на скользилке восемь скоростей. Врет, наверное.

На завтрак была овсянка, сыр, яйцо вкрутую и апельсиновый сок. Почему-то считается, что детей надо кормить натуральными продуктами, а это несправедливо, вот! Мало того, что они невкусные, их еще очень трудно есть. И долго. Воспиталька сидела напротив за виртуальным столом и тоже как бы ела, а на самом деле просто напоминала мне, как держать эти жуткие ложку и вилку, – программы же не едят. И взрослые так не едят, разве что в гостях или в ресторане. Ну и зачем, спрашивается?!

– Ты долго еще? Допивай сок, Лекторина ждать не будет!

– Я больше не хочу.

– Юста!..

Нет, сок – он ничего. Но попробовала б она сама доесть эту кашу! А суп, который дают на обед, еще хуже. Он вообще никогда не кончается, сколько ложек ни набирай. Правда-правда! Когда я вырасту, то добьюсь через Глобальный парламент, чтобы первое для детей отменили. Как вопиющее нарушение прав человека.

Я запрокинула голову, перевернув стакан так, что его край уперся мне между бровями и последние капли стекли в рот. Поставила обратно и уже прыгнула на скользилку, но тут Воспиталька напомнила про убрать со стола. Как будто я не знаю, что за Робом, не говоря уже о маме и папе, убирает встроенный аннигилятор. Ну да ладно, мне не тяжело. Только Лекторина и вправду не будет ждать.

Когда я примчалась в учебную комнату, Лекторина, конечно, уже загрузилась и как раз говорила, какие сегодня будут часы: астрофизика и генетика. Генетику я люблю, а астрофизику не очень, жалко, что она вначале. Далька рассказывала, будто у нее дома можно перепрограммировать Лекторину на какой угодно час, но это уж точно неправда. Лекторина для всех детей одна.

Я села за парту, включила персональчик и подготовилась учиться. Рядом с Лекториной, на соседней стене, расположилась Воспиталька. И навострилась смотреть, не вздумаю ли я потихоньку запустить рисовалку, бродилку или, скажем, «Атаку гаугразских смертовиков», – Лекторине же за всеми не уследить, у нее и опции такой нет.

Роб как-то сказал по секрету, что учебная и педагогическая программы легко входят в конфликт, надо только чуть-чуть сбить настройки, и Воспиталька зависнет. Но я ни разу не пробовала. Во-первых, так нельзя. А во-вторых, Воспиталька же объясняет мне, если что-то непонятно. Конечно, Лекторина в конце каждого часа отвечает на вопросы, но только на те, которые предусмотрены в ее оперативном банке. Моих там почему-то никогда нет, и она делает вид, что я ничего не спрашивала, даже обидно. Воспиталька тоже не все знает, но хотя бы старается.

А в «смертовиков» я и не играю совсем. Это Роб поставил. И оно само запустилось.

Страшное бородатое лицо, зачем-то перечеркнутое поперек носа темно-зеленой полосой. Из-за плеча выглядывает толстенное дуло какого-то древнего оружия. А сзади – жуткие, острые, рвущие монитор неровными зигзагами, словно зубы дракона…

Горы.

* * *

– А у меня кое-что есть, – шепнула Даляка.

– Покажи.

Даляка нагнулась над своим вместителем и почти набрала код, но тут к нам подбежали мальчишки. Много, целых трое. Звать нас к себе в игру. Знаем мы их игры!

С мальчишками вообще лучше не водиться. Они глупые. Вот попробуйте поговорить с ними о чем-нибудь серьезном! – они же ничегошеньки не знают. Вместо того, чтобы учиться, только и думают, наверное, как бы грамотнее подвесить своего Воспитальку и целый час гонять стрелялки под носом у Лекторины. Все остальное мальчишкам неинтересно – ну, кроме еще гонок на скользилках и всякой тупой беготни с воплями. Мальчишки плохо социализируются, потому что у них естественная агрессия пересиливает творческое начало. Допустим, они не виноваты в своей физиологии, но нам, девочкам, от этого не легче.

Кстати, именно потому нам и приходится все-таки играть с ними. Иначе Наставница выставит всей группе низкий балл по коллективной социализации. Даляка вздохнула и закодировала вместитель обратно.

– Мы с Пончем будем отряд, – как всегда, начал распоряжаться конопатый Винс. – Фаради будет смертовик, и Даляка смертовик. А Юська – принцесса.

– Почему это Юська – принцесса? – обиделась Даляка.

Я заметила, что Винсу очень не хочется объяснять. Щеки, уши и даже лоб у него вспыхнули так, что волосы и брови стали казаться совсем белыми. И, конечно, поддержала ее:

– Да, почему я? Принцесса всю игру так и сидит в горах. Это неинтересно.

Винс часто-часто захлопал ресницами, тоже абсолютно белыми. Не ожидал.

– Тогда ты тоже смертовик, да, Юсь? – спросил с надеждой.

– Ты сдурул? Разве я похожа на смертовика?

Рядом с нами мгновенно – она никогда не подвисает – проявилась Наставница:

– Юста, что это за слово – «сдурул»? Извинись и больше так не говори. А ты, Винсант, по-моему, придумал не очень хорошую игру. В следующий раз, прежде чем звать друзей, пофантазируй получше, хорошо? А сейчас… – ее голос сделался звучным и разнесся на всю группу: – Все ко мне! Играем в «Море волнуется»!

Кто не знает, это такая игра для развития творческих способностей. Если честно, я ее не очень люблю, потому как считаю, что они, способности, у меня и так есть, а кричать что-то хором довольно глупо. Кроме того, «море волнуется» – это, сказала бы моя Воспиталька, ужас как нелогично. Море не может волноваться, оно не человек и не личностная программа, а всего лишь экосистема, лишенная интеллекта. У дельфинов он, может быть, и есть – но не у всей же системы сразу.

– Море волнуется раз!

Иногда я говорю «мама волнуется», что больше похоже на правду. Только надо чуть-чуть понизить голос – и Наставница ничего не заметит, она же слышит сразу всех, орущих глупости во всю глотку. Группа социализации, между прочим, – малая модель Глобального социума. А социум тоже экосистема, и ему интеллект опять-таки не положен. Хотя все по отдельности мы умные. Ну, кроме мальчишек.

– Море волнуется два!

Я, конечно, не сама все это придумала. Про малую модель и про экосистему говорила Лекторина на часах социологии и физической географии. А я только чуточку досочинила. И никому-никому не рассказывала, даже Дальке.

Только Робу, – но он, по-моему, все равно не слушал. Он вообще редко слушает, что я ему говорю. Он уже очень большой.

– Море волнуется три – фигура дракона замри! Фигура готова?
– Да!!!
– Хозяин дома?
– Да!!!

… После коллективной игры Наставница разрешает нам группироваться по интересам. Причем по обоюдным, так что конопатому Винсу я сделала ручкой. Показала бы язык, но за дразнилки Наставница снижает индивидуальный балл. А мне его сегодня и так уже снизили, и тоже из-за этого мальчишки. Ну кто, скажите, станет с ними водиться?!

Мы с Далькой устроились подальше, в самом углу, и она раскрыла вместилище. Засунула в него руку и шарила так долго, словно внутри была дыра в пятое измерение. Это чтобы мне стало совсем невтерпеж и я сама попросила ее поскорее показать, что там у нее.

Но я выдержала, промолчала. И Далька, наконец, достала:

– Вот!.. знаешь, что это такое?

Ну, а я-то думала…

– Знаю. Книга. У нас дома есть, только мама не позволяет трогать, потому что они анти… ак-ти-вари…

– Антиквариат, – запросто выговорила Далька. – Сама ты книга, Юська. Это альбом. Альбом!

Я протянула руку, но Далька отодвинулась, пристроила у себя на коленях и сама раскрыла… ну конечно, книгу, и нечего выдумывать. Альбомы у нас тоже есть: там внутри мутная пленка, из-под которой просвечивают эти, как их… фотки. Ну, цифроснимки, но очень тусклые и на бумаге. А тут – просто книжка с картинками.

– В альбомах фотки, – объяснила я.

– Так вот же фотки! Только не людей, а достопримечательностей. Это туристический альбом.

Далька знает кучу непонятных слов. Но я сделала вид, будто тоже их знаю, – спрошу потом у Воспитальки, а лучше у Роба. И с сомнением покосилась на раскрытую страницу:

– Если это не книга, почему там написано?

– Там написаны всякие глупости. Чтобы закрыть место под фотками. Вот возьми сама и почитай!

Она рассталась, наконец, со своим сокровищем и передала его мне в руки. Бумага была толстая и гладкая на ощупь, и картинка на ней, еще тусклее, чем обычные фотки, отсвечивала на сгибе, и ее было трудно рассмотреть как следует. Под ней и вправду оставалось много места, заполненного буквами. Я повернула альбом вертикально, чтобы можно было прочесть:

– «Миллионы трудящихся ежегодно поправляют здоровье в санаториях и пансионатах этого прекрасного уголка нашей Родины. Горный воздух, морские купания и свежие фрукты надолго останутся в вашей памяти». Глупости, – согласилась я. – Ну и зачем он нужен?

– Ты не понимаешь, Юська, – важно сказала Далька. – Это не просто антиквариат. Это раритет.

– Чего? – я забыла притвориться, будто все знаю, потому что как раз рассматривала картинку. На фотку она совсем не была похожа – во всяком случае, листья у деревьев точно подрисовывали. Из растений я узнала пальму, кипарис, магнолию и ленкоранскую акацию – экоботаника вообще мой любимый час. Среди зелени торчали несколько белых блоков. А за ними…

– Сюда смотри, – ткнула пальцем Далька.

Я пожала плечами:

– Ну, горы. Альпийская экосистема.

– Сама ты…

Она запнулась, потому что на стене проявилась было Наставница, но, раз конфликтная ситуация не получила развития, тут же пропала, чтобы не разрушать нашу индивидуальную коммуникацию. И Далька зашептала мне в самое ухо:

– Это Гауграз!!!

И в доказательство захлопнула альбом, показав обложку: «ГАУГРАЗ. Памятные места и здравницы». Ну надо же!!!..

– Что там у вас? – спросил Винс.

Я и не заметила, как он подошел. И как Далькин альбом успел моментально нырнуть во вместитель, тоже не заметила.

– Ничего, – каменno сказала Далька. – А ты что хотел?

– Ничего, – растерянно повторил за ней Винс. – Просто... Юсь, там за тобой мама прилетела.

* * *

– ...не самый высокий балл. Но беспроблемных детей не бывает, госпожа Калан. На что советую вам обратить внимание в первую очередь: Юста с трудом выстраивает широкую сеть коммуникаций в группе, предпочитая образовывать обособленную диаду с Далией Седвер. Такой тип социального поведения считается вариантом нормы, но все же присмотритесь пристальнее, в дальнейшем это может негативно повлиять на интеграцию личности в Глобальный социум. Кроме того, я заметила в вашей дочери некоторые проявления гендерной нетерпимости. Не хочу показаться бес tactной, госпожа Калан, однако причины этого скорее всего кроются в ваших взаимоотношениях с мужем...

Мама улыбнулась. С того места, где я стояла, притаившись за дверью, монитор отвечивал, и мне совсем не было видно Наставницу. Казалось, что мама слушает, кивает и улыбается прямо в стену. А может, и не слушает вовсе, а просто улыбается и кивает, чтобы Наставнице не было обидно. Она ведь каждый раз жалуется маме на одно и то же – как я дружу с Далькой и не вожусь с мальчишками. Тоже мне, проблемный ребенок!..

– ...вот и все мои рекомендации. Сейчас я позову Юсту.

Тут мне, конечно, надо было быстренько вернуться в группу, чтобы Наставница могла меня оттуда позвать. Но мама стояла так близко, такая красивая, улыбающаяся, самая-самая лучшая, моя!.. что я не выдержала и бросилась ей на шею.

– Юsic, – засмеялась мама где-то возле моего уха, – ты тяжелая. Слезь.

Я сползла вниз и обхватила ее обеими руками, уткнувшись лицом в живот. От мягкой шершавой конусили очень вкусно пахло. Мамой.

На секундочку глянула через плечо: Наставница все еще была на стене и, кажется, хотела сделать мне замечание и пригрозить снизить балл, – но при маме уже не могла, у нее такие настройки. И только сказала:

– До свидания, Юста. Всего вам доброго, госпожа Калан.

– До свидания! – ответили мы с мамой.

...Капсула неслась по городскому тоннелю. За ее прозрачными стенками мелькали жилые блоки: некоторые серебристо-серые, некоторые белые или золотые, но большинство все-таки с виртуальными картинами разных экосистем, цифроснимками животных и людей или просто разноцветными узорами. Если загадать число и отсчитывать блоки, то по тому, какого он будет цвета, можно узнать судьбу. Но когда капсула летит на полной скорости, все время сбиваешься со счета.

Роб говорит, что картины на блоках было бы очень смешно посмотреть, стоя на месте: они же страшно растянуты в расчете на скорость капсул. Только на каком, спрашивается, месте? В тоннелях стоять негде, да и вообще нельзя, там же выкачен воздух, чтобы не было трения.

Я тесно-тесно прижалась к маме. Так хорошо... Мама сегодня забрала меня раньше всех в группе. Забрала сама, а не прислала, как обычно, запрограммированную капсулу с автономной Воспиталькой. Теплая мамина рука обнимала меня за плечо, и хотелось, чтобы так было всегда-всегда...

Но когда очень хорошо, почему-то хочется, чтобы стало еще лучше. Я подняла голову и попросила:

– Мам, а давай поднимемся на верхний уровень!

– Давай.

А в прошлый раз мама отказалась. Лишний перерасход энергии и времени, потом ведь все равно спускаться. Центр социализации расположен на четвертом уровне города, а блок, где мы живем, – на пятом, поэтому наша капсула запрограммирована на срединную сеть тоннелей. По верхнему мы катаемся только по выходным, и то если у мамы и папы совпадают планы, про Роба я уже молчу. Но по выходным наверху столько капсул, что неба за ними почти не видно.

Мама пробежалась пальцами по клaviатуре, вводя новую программу. Перед этим, конечно, убрала руку с моего плеча. Жалко.

Капсула чуть замедлила ход, выискивая ближайший сквозной шурф. Я зажмурилась. Не потому что боюсь, хотя от взлета вертикально вверх становится холодно внутри и перехватывает дыхание; страшнее только спуск вертикально вниз. Но я не боюсь, честно-честно! Просто очень здорово вот так зажмуриться, – а потом, уже на самом верху, открыть глаза и...

Увидеть небо.

Огромное-преогромное, ярко-синее в белых узорах облаков... Небо!!!

– Ну как, Юська? – мама запрокинула голову, и ее золотисто-сверкающие волосы щекотали мое лицо, тоже задранное вверх так, что болела шея. – Нравится?!..

Облака чуть-чуть колебались от двойного преломления света через крышу капсулы и стеклопластиковый купол над городом. Но синева была настолько ослепительная, что я никак не могла поверить, что между нами есть хоть какая-то преграда.

Между мной – и небом.

Капсула разогналась и теперь летела с еще большей скоростью, чем разрешено на внутренних уровнях. А навстречу неслись облака. Интересно, на что они похожи, если посмотреть на них с места? Такое место наверняка должно где-то быть...

И вдруг мы мгновенно – я даже зажмуриться не успела – ухнули вниз.

Снова понеслись по тоннелю навстречу разноцветным и серебристым блокам. Но пересчитывать их почему-то уже было совсем неинтересно.

Зато мама снова обняла меня за плечи:

– Как твои дела, Юсик? Что вы сегодня делали в группе?

– Играли в «море волнуется». А Далька, мам, ты представляешь, принесла альбом!

Только не с фотками, а...

– «Море волнуется»? – переспросила мама.

... И я поняла, что дальше она не слушала. Взрослые вообще редко слушают, когда им что-то рассказываешь. Даже мама – а про остальных не стоит и говорить. Не понимаю только, зачем спрашивать, если ответ ну ни капельки не интересен?...

– У меня для тебя сюрприз, – шепнула она. – Для нас всех. Сказать сейчас или когда придут папа с Робом?

Я сразу же перестала обижаться:

– Конечно, сейчас!

Ясно же, что если дожидаться папу и Роба, да еще их обоих одновременно, то это будет недели через две, не раньше.

– Ну, слушай. У нас на работе сегодня проводили ежегодную лото-выборку по экодосугу... то есть, Юська, как бы тебе объяснить, такое распределение методом генерации случайных чисел... В общем, мы едем на море!!!

* * *

Мне снилось море.

Как в учебном цифроклипе по экобиологии: планктон питается простейшими, сельдь – планктоном, кашалот – сельдью, косатка – кашалотом... Сама косатка, наверное, невкусная. Пищевая цепь извивается в прозрачной воде, а мне тоже хочется есть, потому что на ужин сегодня была самая противная вещь на свете – овощной холодец, скользкий и дрожащий. И я сказала маме с Воспиталькой, что наелась в группе, по самую шею. Хотя, если по-правде, там давали один йогурт с этими... моллюсками... то есть мюсялями... может, взять да и поймать косатку за хвост?...

Я проснулась. До того голодная, что сама себе казалась пустой изнутри.

Было темно. Только чуть-чуть отсвечивали стены в ночном эконом-режиме. На ночь в доме отключаются все программы, и даже дверные створки приходится раздвигать руками. Не говоря уже о том, что не работают скользилки.

Зато Воспиталька спит и не подглядывает. И можно потихонечку взять на кухне настоящей взрослой еды.

Идти по коридору своими ногами долго. К тому же я сначала ошиблась поворотом и попала не на кухню, а в спортивную комнату, где с потолка свешиваются канаты, провисает из угла в угол пластиковая лестница-рукоход и полным-полно всяких тренажеров. Три раза в неделю мы занимаемся тут с Гимнастиней. А Роб торчит здесь по несколько часов каждый день. Он у нас качается. Если по-нормальному, наращивает мышечную массу. Хотя он и так ужас какой большой.

В темноте спортивная комната казалась жуткой. Наверное, из-за рукохода, перекладинки которого чуть поблескивали, отражая мерцание стен. Будто огромная-преогромная улыбка чудовища.

Наконец, я добралась до кухни. Контеинер с едой оказался закодирован, и чтобы его открыть, надо было запускать всю кухонную программу. Я уже решила, что так и останусь голодная до утра – до овсянки!!! – когда заметила наверху, на крышке контейнера, несколько незапечатанных комплектов. Придвинула табуретку, залезла, встала на цыпочки, дотянулась. Ура-а-а-а!!!..

Взяла первый попавшийся, отлепила соломинку и сунула в рот. Вкуснотища!

Перекатывая на языке вкуснюю тающую массу, я пошла обратно. Пожалела, что не захватила еще один, про запас. Они же там, наверное, все разные!..

И тут услышала голос. Мамин. Приглушенный, из-за стены:

– ... просто я была уверена, что если пишут «семейная пропозиция»...

– Удивляюсь тебе, – там же, за стеной, ответил ей пapa. – Не в первый же раз. Пора бы запомнить, что любое предложение «для всей семьи» – это на троих. Рассчитывают на нормальных людей.

Я собиралась идти дальше: ни с того ни с сего сильно захотелось спать. Но тут мама снова заговорила, и я осталась на месте, потому что услышала свое имя:

– Я уже сказала Юсте.

Папа звучно зевнул – наверное, его тоже тянуло в сон:

– Ну и замечательно. Свозим Юську на море. Робни ведь у нас купался... подожди, в каком это году мы тогда выиграли?... Такой же где-то был, как она сейчас.

– Чуть постарше. Уже шесть исполнилось, я точно помню... Но, Эдвар, так нельзя.

– Почему это? – он опять зевнул, еще громче.

– Мы не можем улететь и оставить Роба здесь одного...

– Глупости. Здоровый взрослый парень. Ему же на днях восемнадцать стукнет.

– ...в его день рождения. Так нельзя, пойми!

– Расслабься, Андрэ. Наоборот: пацан первый раз в жизни отметит день рождения так, как сам считает нужным. Пригласит кого захочет, замутит вечеринку хоть до утра... может быть, уговорит наконец свою девушку – вдруг она из тех, кто на дух не переносит блок-свидалок?...

– У Роба нет девушки.

– Думаешь, он все тебе рассказывает?

Папа засмеялся. Подслушивать за дверью нехорошо! – подумалось мне почему-то голосом Воспитальки. Еда в комплекте закончилась, и я облизнула соломинку. Жалко, такая вкуснятина... хотя есть большие не хотелось. И спать тоже.

– Он ничего не рассказывает, – очень серьезно сказала мама. – Поэтому я и беспокоюсь. У него сейчас тяжелый период, Эдвар. В этом возрасте у многих бывает, особенно у мальчишек... Психический надлом, даже кризис. Робни все держит в себе, но это еще хуже. Я скачала индивидуальную консультацию Психолога. Главная рекомендация – уделять ребенку как можно больше внимания, ни в коем случае не оставлять один на один с его проблемами. Иначе могут быть любые... последствия.

– Перестань. Давай спать.

– У Роба очень ранимая психика. Вспомни, как болезненно он воспринял рождение Юсты...

– Я думаю! А как я воспринял, ты хоть помнишь?! Но ты ж у нас сумасшедшая, Андрэ, если на чем зациклишься, тебя не переубедить. Ну ладно, ладно... хорошая получилась девчонка...

– Послушай, Эдвар, я тут подумала... только не обижайся. Может, я полечу сама с детьми?

– И выдашь Робни за своего мужа? Не смеши меня. Там с этим строго.

– Если бы я не сказала Юське... Отдохнули бы втроем, как тогда. Ты, я и Роб. А она бы и не заметила, в этом возрасте дети легко...

Дальше я ничего не слышала. Бежала по коридору, и пружинистое скользильное покрытие на полу глушило звук отчаянного топота босых ног.

А слезы текли бесшумно.

* * *

– Какое оно?

Роб начал медленно подниматься с корточек, штанга на его плечах то и дело кренилась в сторону. Лицо Роба покраснело и перекосилось, как будто он только что съел что-то очень-очень невкусное. Колени задрожали, и в этот момент штанга легко подскочила вверх, подхваченная с двух сторон программными зажимами.

– Юська, уйди! – злобно выкрикнул он, выползая из-под тренажера. – Что какое?

– Море.

– Обыкновенное. Ты что, цифрофильмов не видела? В виртуалки не игралась?!

Слезы больно ущипнули глаза, но я твердо решила не обижаться, что бы Роб ни сказал. Если обижусь – то, что я задумала, не выйдет.

– Игрались. Но ты же летал туда по-настоящему! Расскажи, Роб...

– Отстань. Я тогда был маленький, ничего не помню.

– А вот и неправда! Не маленький. Тебе целых шесть лет было.

Он снова подлез под штангу, поудобнее пристраивая на плечах пластиковый гриф. Но вдруг передумал и вылез обратно. Сел прямо на пол, прислонившись спиной к основанию тренажера.

– Как это ты подсчитала?

Я присела перед ним на корточки и снова попросила:

– Расскажи!

Роб улыбнулся и покачал головой:

– Я правда не очень-то запомнил, Юс. Было здорово. Потом я все время просил родителей полететь еще, а они покупали мне всякие морские виртуалки. В результате я совсем запутался, что помню про настоящее море, а что – из тех игрушек. И обижался, маленький был... то есть не очень большой.

– Ты и сейчас хочешь полететь, да? – спросила я почти шепотом.

– Хочу... То есть, ну тебя, Юська. Ресурсы экодосуга в мире ограничены, ты же знаешь. Некоторым за всю жизнь так ни разу и не выпадает выигрыш. Если на море будут летать все, кому не лень, от него скоро вообще ничего не останется. Случится экологическая катастрофа, понимаешь?

Тут я вспомнила про «миллионы трудящихся». Совсем некстати вспомнила, и нечего было отвлекаться на пустяки, – но я же ужас какая любопытная. А Роб знает почти все на свете. И спросила:

– А что, на Гаугразе тоже есть море?

– На Гаугразе??!

Лицо Роба изменилось. Так резко и сильно, что я даже испугалась. Стало злым и как будто закрытым изнутри на замок:

– Кто это тебе сказал?

– Никто, – растерялась я. – В Далькиной книге было... то есть в альбоме... «морские купания надолго останутся в вашей памяти»... Вранье, да?

– Какое там море, – сквозь зубы бросил Роб. – Они же в нем свои самострелы моют.

– Кто, смертовики?

Роб не ответил. Вскочил на ноги – одним пружинистым прыжком. Отошел в сторону, упал навзничь на длинный наклонный тренажер, схватился за поручни и начал быстро-быстро отжиматься на руках. Я насчитала двенадцать раз. Потом тренажер вскинулся вертикально, освобождаясь от Роба. Наверное, медицинская программа засекла что-то с его сердцем или дыханием.

Он ругнулся, шагнул назад. И, конечно, споткнулся об меня.

– Ты еще здесь? Ну чего ты все время путаешься под ногами?!

Я отступила. Не обижаться!.. Вот сейчас подожду, пока слезы затекут обратно в глаза, и скажу Робу, что я решила. Не лететь ни на какое море. Зачем оно мне нужно, если мама и папа не очень-то хотят меня брать? И потом, я же маленькая, все равно ничего не запомню. Лучше когда-нибудь еще... когда вырасту... когда сама выиграю в эту, как ее... лото-выборку...

Пусть летит Роб.

Прикрыла глаза. Сглотнула. И сказала – совсем другое:

– Слышишь, Роб... А ты правда болезненно воспринял мое... ну, когда я родилась?

– Чего?...

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, большущий, аж становилось боязно. И как я могла такое спросить? Роб теперь вообще никогда-никогда не станет разговаривать со мной...

И вдруг его губы дернулись. Растиянулись, будто кто-то растиаскивал уголки рта в разные стороны, – в широкую-преширокую улыбку:

– Глупая ты, Юська... Да я такой гордый ходил. Ни у кого нет сестры, а у меня – есть. Всем рассказывал, как буду тебя защищать. Только ж на тебя не нападал никто...

Засмеялся.

И я засмеялась вместе с ним. А потом подпрыгнула, схватилась за перекладину рукохода, повисла на одной руке, подтянулась, перехватила другую перекладину и, ни разу не останавливаясь, прошла всю лестницу от начала до конца. И обратно.

– Класс! – по-правде восхитился Роб. – Слушай, Юс, это супер, что ты летишь с родителями на море. Ты не представляешь, как там здорово. Будешь посыпать мне цифроснимки, хорошо? И письма.

Я серьезно кивнула:

– И ты мне тоже. Договорились?

* * *

Сначала мы долго-долго летели в непрозрачной капсуле. Высадились в каком-то блоке с морскими виртуальными картинами на стенах – Далька говорит, у нее дома тоже такие, так что ничего особенного. Потом по одному проходили медицинское обследование и санитарную обработку, а за ней – инструктаж: отдельно родители и отдельно я. Инструкционная программа – не то Лекторина, не то Наставница, – целый час рассказывала, как нужно вести себя в экосистеме, и проверяла по виртуалке мои плавательные навыки. Затем нам вернули наши вещи. И пригласили в капсулу – на этот раз нормальную, с прозрачными стенками.

Папа говорил, что вот, уже можно разглядеть!.. уже хорошо видно!.. море!!! Мама смеялась и вскрикивала, как совсем маленькая девочка. А я...

Я зажмурилась. Крепко-крепко. И, как ни хотелось, не разжимала веки до тех пор, пока мы не вышли из капсулы. Под ногами было мягко, мягче, чем на скользильном покрытии. А воздух, вы представляете, он двигался!!! – и тут же бросил мне волосы прямо в лицо, защекотав щеки. От него вкусно-превкусно пахло. Морем.

...И я открыла глаза.

Море волновалось!

* * *

Рыбка лежала на круглом камне. Вокруг шевелились водоросли.

Я подкралась еще ближе. Ловить морских обитателей, конечно, нельзя, – но это же не по-настоящему, она все равно успеет уплыть. А интересно. Опустила в воду ладонь, сложенную лодочкой, – рыбка шевельнула хвостиком, но осталась на месте, – и резко опустила руку прямо на камень. Поскользнулась, забарахталась лицом в воду, взмущила со дна песок в перемешку с пузырьками воздуха, подняла маленькие волны.

Через минуту море опять стало гладким и прозрачным, словно стенка капсулы. Водоросли чуть колыхались, обнимая круглый камень. Только уже без рыбки.

– Юста! – крикнула с берега мама. – Вылезай, кому говорят!!!

Она звала меня то ли в пятый, то ли в шестой раз. Я поплескалась еще немножко и вылезла. Сразу стало холодно, хотя солнце светило ярко-ярко, поднявшись почти над самой головой.

– Завернись, – мама набросила на меня большое полотенце. – Губы уже синие. Вот заболеешь, и нам придется тут же улетать.

– Думаешь, если нет Воспитальки, то не надо слушаться? – поддержал ее папа.

Ну уж он-то мог бы и помолчать. Сам пошел купаться намного раньше меня, а вышел из воды только что. С его волос еще скатывались капли, падая прямо на раскрытую книжку, страницы которой трепал ветер.

Мама перехватила мой взгляд:

– Эдвар, ну как можно? Это же книга!

– Расслабься, Андрэ... – страница опять перелистнулась, и папа беззвучно ругнулся. – Нам же говорили в библиотеке на Базе, что это бульварное чтиво, культурной ценности не представляющее, – он нашел, наконец, нужное место и заложил книжку пальцем. – Чертова бумага... Кстати, правда редкая чепуха.

– Что ж ты тогда читаешь?

Папа пожал плечами.

Я его понимала: если постоянно купаться, то синеют губы. А больше на море делать нечего. Мой персональчик и тот пришлось оставить в Базовом блоке, а родители уже были в курсе, что на экодосуг нельзя брать с собой никаких электронных устройств – чтобы не сбивать естественный баланс природных биополей. Даже цифроснимки для Роба я делала издалека, через прозрачную стенку Базы.

Кстати: я посмотрела на солнце. Оно стояло уже совсем высоко: еще чуть-чуть, и мы будем уходить, потому что в часы прямых солнечных лучей и, соответственно, максимальной радиации загорать нельзя. И мы с мамой и папой идем обедать. А после обеда может прийти письмо от Роба.

Я согрелась и сняла полотенце. Но тепло мне было всего несколько минут, а потом сразу же – жарко-прежарко. Точно, сейчас начнем собираться.

– Собираемся, – сказала мама, взглянув в небо.

Я вскочила:

– Только я еще разочек окунусь, хорошо, мам?

– Юська!..

Но я, конечно, уже бежала к морю. На поплту услышала за спиной возню и вскрики, обернулась через плечо. Засмеялась и припустила быстрее. Но папа все равно догнал меня и плюхнулся в воду на секунду раньше. С хохочущей и негодующей мамой на руках.

...Перед обедом я заскочила в Информационный центр, но письма от Роба еще не было. Ясно, они же всегда загружают почтовую программу позже, да и пишет он мне не каждый день... но ведь могло уже и прийти! Жалко.

А зато кормят здесь нормальной взрослой едой. Вкусной и удобной.

* * *

«Моя маленькая сестренка!

(на «маленьку» не обижайся?)

Спасибо за твою поздравилку, очень смешная. День рождения я отпраздновал хорошо. Сначала мы с Понти и Кором (ты их не знаешь) зависали в одном клубе с хорошей виртуалкой и выпивкой (про выпивку родителям не рассказывай, договор?). Потом вернулся домой, выжал штангу десять по восемьдесят, и больше бы выжал, но она почему-то заблокировалась (не иначе, из-за алкоголя в крови). Погонял новую игрушку, которую Кор подарил. (Приглашать пацанов домой не стал, а то потом такой свиньюшник, что аннигилятор глючит). Заглянул в почту, а тут как раз твоя поздравилка. Спасибо, Юс (еще раз).

Смотрел новости. Ты знаешь, вчера на гаугразской границе двоих наших убили. Из отряда. И еще одного увезли в горы, а через двенадцать часов его маячок перестал ловиться (может, просто маячок сломали)...

В общем, Юська, я теперь взрослый. Могу посещать блок-свидалки (было бы с кем). Могу загреметь на полный срок в исправилку (было бы за что). Могу даже баллотироваться в Глобальный парламент. А еще...»

Читать с бумаги ужас как неудобно. Но в Информационном центре только так и выдают письма, в распечатках. В принципе, я уже привыкла. Единственное, когда ветер загибает листок, потом очень трудно найти нужное место.

«...поймешь, что настоящий мужчина...»

Нет, не здесь, выше. Я взялась пальцами левой руки за верхний край листка, а нижний попробовала прижать коленками. Папа советовал читать распечатки горизонтально, но это вообще получается какое-то извращение. Если б не ветер...

К тому же в письмах Роба то и дело попадаются секреты от родителей, а значит, я не могу допустить, чтобы текст прочел кто-нибудь кроме меня. Вот и ухожу с бумажкой к самой кромке моря, а тут ветер, кажется, дует еще сильнее...

«...Гауграз...»

Ну где же оно?!.. «...в Глобальный парламент...» Ура, нашла!..

И в этот момент письмо, как живое, вырвалось у меня из рук.

Кажется, я вскрикнула – перед тем, как броситься в море с вытянутой вперед рукой, почти как тогда, когда ловила рыбку. Кажется, мама кричала что-то о загрязнении экосистемы и штрафных санкциях. А папа – это уже не кажется, а точно, – плыл впереди, сразу же обогнав меня, но тоже никак не доставая до бумажки, белевшей вдали, словно по воде распласталась усталая птица чайка. Так странно: волны ведь бежали нам навстречу, наплескиваясь на берег, – а письмо уносилось все дальше и дальше в море...

– Юська, вернишь!!! – долетел отчаянный мамин голос.

Я уже не видела письма, как ни вытягивала шею над волнами. И повернула назад.

Папа вылез на берег минут через десять и сразу же зачем-то взял в руки свою истрапанную книжку. Потом сам себе удивился и сунул ее во вместитель.

– Утонуло, – кратко сказал он.

– Жаль, – мама набросила на него полотенце. – Бумага может не распадаться на составляющие элементы десятки лет. Если на Базе узнают, как мы варварски относимся к природе... Что в нем хоть было, Юсик? Как там твой брат? Нам с папой он почему-то еще ни разу не написал.

Я смотрела на море – оно опять волновалось: раз, два, три... Над белыми верхушками волн то там, то здесь зависала птица чайка.

Буркнула, не оборачиваясь:

– Я же не успела дочитать.

... Когда мы пришли в Базовый блок, я тут же побежала в Центр попросить, чтобы мне сделали новую распечатку. Но оказалось, что востребованные письма они тут же удаляют.

Потом мы поужинали, погуляли перед сном по побережью, а когда вернулись в блок, родители почему-то предложили мне поиграть в виртуалку, хотя обычно мама сразу отправляет меня спать. А спать и вправду уже хотелось, глаза сами собой закрывались, и, поиграв самую чуточку, я выключила персональчик и легла. И слышала, как мама с папой о чем-то разговаривают в своей спальне, и спорят, и никак не согласятся друг с другом... но слов было не разобрать, а вставать и специально подслушивать я, конечно же, не стала.

А утром мама сказала, что мы улетаем. Прямо сейчас, не дожидаясь завтрака.

* * *

– Лекторина ждать не будет, – сказала Воспиталька.

— А меня и не надо ждать. Я не пойду.

Повисла на одной руке на перекладине лестницы. Попробовала перехватить другой рукой, но соскользнула и спрыгнула на пол.

— Юста, — голос Воспитальки звучал так, будто она все понимала. — Нельзя же так.

Я пожала плечами. Все можно. Если Робу, то и мне тоже.

— Он вернется, — выговорила она совсем тихо.

Они все это твердили, каждый день, каждую минуту. Мама — сквозь слезы. Папа — с какой-то ненастоящей усмешкой и совсем уж ненастоящей угрозой в голосе. Психологиня, которую скачали за большие деньги специально для меня, чтобы смягчить последствия стресса, аккуратно нанизала на ниточку аргументы, привела статистические данные и даже подсчитала вместе со мной объективную вероятность: девяносто шесть и семь десятых процента, — вернется. Вернется-вернется! — заявила Далярка с таким видом, словно именно ей это и решать... Они не понимают. Никто.

Что от их убежденности, веры и оптимизма не зависит ни-че-го.

То письмо Роб, как оказалось, отправил уже из Распределительного пункта. Потому мы и опоздали. Никак не могли успеть: он просчитал все заранее. Значит, не надеялся, что я не выдам его, не покажу родителям письма...

Но это уже неважно.

— Вернется, — повторила Воспиталька. — Только первый отпуск дают через два месяца. Если ты так и не будешь ходить на часы, то станешь глупая и необразованная, как... как дикая гаугразка.

Я засмеялась — звонко и, наверное, страшно. Подпрыгнула, повисла на рукоходе и начала раскачиваться: туда-сюда, туда-сюда, туда-сю...

И расплакалась. Первый раз за все время.

Глава вторая

Прозрачная струя ударила о кувшин, разбилась сверкающими брызгами, – некоторые из них долетели до лица Мильям, и она зажмурилась. Через мгновение пальцы свело от холода: вода в источнике Тайи и зимой, и летом одинаково студеная, словно вечный снег на вершине Ала-Вана. Водой из источника Тайи не поят овец и коз и не поливают виноград, в ней не варят еду и не купают детей. Ею даже не утоляют жажду все, кому хочется. Вода из источника Тайи – только для женщин в родах и мужчин на войне.

К источнику Тайи всегда ходит по воду Адигуль. Она – старшая. Первая дочь в семье, улыбка Могучего.

Кувшин постепенно тяжелел, рука Мильям задрожала, и девочка подхватила его под дно другой рукой, отпустив ветку розового тамариска; зашаталась на скользком камне. Не упасть, не уронить!!!.. Разбитый кувшин – смерть. Скорая, неотвратимая смерть кого-то в семье.

…Перевела дыхание, опустилась на корточки, прислонилась спиной к древесному стволу. Вдали дорогим ожерельем опоясывала небо цепочка гор. Кур-Байга, неприступная красавица с отвесными отрогами. Круглая и продолговатая, будто птичье яйцо, вершина Седу. Отец гор, самый высокий и гордый Ала-Ван. Тройной зубец Кири-Гава. Пологий, кажущийся таким легким для подъема, но коварный Изыр-Буз, поросший лесом…

Гладкий бок кувшина леденил кожу сквозь платье и шаровары; Мильям покрепче стиснула его мокрую изогнутую ручку. Немного отдохнуть – и домой, потихоньку, пригибаясь за виноградными лозами. Никто не должен видеть, что воду принесла она. Вторая дочь в семье, насмешка Могучего.

Мильям догадывалась, конечно, что все дело в Арвазе из соседнего селения, щуплом парнишке почти без усов, который давно уже тенью ходит за Адигуль, и она, кажется, совсем не против. Наверное, договорились встретиться, – им ведь приходится таиться от всех, потому что Арваз еще не посвящен оружием, его нельзя считать мужчиной, могущим привести в дом жену, – а тут еще эта вода… И все равно: услышав просьбу старшей сестры, Мильям только и смогла чуть слышно прошептать с восторгом и недоверием:

– Я?!

Вода из источника Тайи тяжелее любой другой воды. Мильям знала об этом – но не думала, что настолько. Переломилась вбок, будто тростинка; кувшин вдавливался в плечо тяжестью гранитной глыбы с отрога Кур-Байги. Узкая тропка вдоль горного склона… еще один поворот – и начнутся виноградники, а там рукой подать до селения. Уже недолго… И чтобы никто не заметил… не заметил…

Округлые крыши жилищ селения уже виднелись невдалеке, когда Мильям все-таки присела отдохнуть. Справа и слева тянулись лозы, прямо перед глазами выглядывали из-под листьев зеленые бисеринки виноградин, казавшиеся особенно маленькими на толстых разветвленных черенках будущей кисти.

Через полтора месяца ягоды нальются соком, станут медово-золотистыми и продолговатыми, как глаза коз. Если, конечно, не засуха и не град – виноград Могучего, извечный враг земного винограда. Через полтора месяца старший брат Избек, третий сын в семье, вернется домой, посвященный оружием, чтобы жениться, зачать первенца и снова уйти на войну. Если, конечно, не отправится на пир Могучего в первом же бою. Через полтора месяца самый младший брат, имени которого еще никто не знает, научится улыбаться в ответ на материнскую песню. Если, конечно…

Надо идти.

Мильям поднялась на ноги, скрытая за стеной винограда почти по плечи. Пригибаясь, добралась до конца полосы и осторожно выглянула из-за густого переплетения листьев и неж-

ных зеленых усиков: свободна ли дорога в селение? Донышко кувшина с водой из источника Тайи – его нельзя поднимать высоко – оставило длинную борозду в пыли между лозами.

Вокруг их жилища, второго по счету с северного края селения, колыхалась толпа. Пестрая и неспокойная, женская. До Мильям донеслось облачко неразборчивых, возбужденных, визгливых голосов. Откинулся входной полог, выпуская кого-то наружу, и женщины сначала отступили, а затем снова нахлынули на подворок, как волны горной речки Терзы набегают на пороги...

Началось.

* * *

– А я точно говорю. Живот-то высокий был, из такого только девки рождаются...

– Не приведи! Третья дочь в семье – проклятье Могучего.

– Да велико имя Его...

– ... да неведомы замыслы. И Азмет-ван не успел к сроку...

– Должен прискакать. Не увидеть первым сына, не дать ему имени – прогневить Могучего.

– Если Азмет-ван сам еще не ушел пировать к Нему – сколько уж времени ни весточки...

– Девка будет, помяните слово мое!.. если вообще разродится.

Старая Захраб-ани всегда не любила мать. Да она никого не любила, кроме своих семи сыновей, один за другим ушедших на пир Могучего, – до того, как успели обзавестись потомством. И особенно ненавидела старика-мужа, который, чтобы не прервался род, пять лет назад взял себе молодую жену, так и не родившую ему даже девочки...

Мильям опасливо подступилась к толпе, прижимая к груди кувшин. Входить сейчас в жилище ей, второй дочери в семье, было нельзя. Но как же вода?... вода из источника Тайи... для матери...

– Давай сюда. Быстро!

Неизвестно откуда возникшая Адигюль не взяла – вырвала кувшин из ее рук. Несколько капель пролилось на истоптанную пыльную землю. Толпа расступилась, пропуская к жилищу тонкую фигурку сестры, чуть изогнувшуюся под тяжестью на плече. Кажется, никто и не заметил... Хотя старуха Захраб, конечно, видела. Она всегда примечала все, зоркая, как кривоклювая скопа.

Кто-то дернул Мильям за платье – сначала с одной, потом с другой стороны. Младшие братья, близнецы Асалан и Нуздет, прижались к ней, словно испуганные птенцы. Говорили, что мать очень тяжело рожала их, но Мильям тогда была совсем маленькая и ничего не помнила. Еще говорили, что из двух сыновей, одновременно вышедших из материнского чрева, одного Могучий обязательно забирает на свой пир при посвящении оружием. Наивысшее счастье для воина... но она все равно очень старалась не думать, кого.

– А ну идите отсюда! Нечего вам тут делать, – прикрикнул на них старший брат Хас, пятый сын в семье, самый красивый, вспыльчивый и злой. Хаса Мильям боялась. И, конечно, даже не подумала спросить, что делает здесь он сам и что скажет потом мастер по оружию.

Она увела близнецов к ручью Азру, где в жару любили плескаться все ребятишки селения. Сейчас вода в ручье была еще совсем студеной, и Нуздет, бросившийся было купаться, тут же пулей выскочил обратно, не успели упасть поднятые им тучи брызг. Более осмотрительный Асалан остался на берегу и дразнился, приставив к ушам растопыренные ладони. Малыши беспечны, они легко забывают тревогу и страх.

Подобрав под себя колени, Мильям села на гранитный камень у самой воды. Солнце, подарив тепло и свет селениям, садам и виноградникам, возвращалось в небо нестерпимыми для глаз отблесками с рябого зеркала Азру. Прищурилась, опустила ресницы.

Там, в жилище, сейчас полумрак, рассеиваемый только маленьким огоньком светильника – солнцу нельзя видеть тайну рождения человека. В жилище пусто: кроме матери, находится там разрешено лишь повивальной бабке Ийтаб-ани и двум ее помощницам.

И еще Адигюль. Первой дочери в семье, обученной говорить с Матерью Могучего, заступницей всех земных матерей.

А кроме того, с силами, куда древнее и всесильнее и Могучего, и Его Матери. Силами, питающими источник Тайи и сотни других чудодейственных родников, камней, деревьев и трав. Темными и светлыми, ласковыми и страшными, простыми и коварными. Силами, на которых тысячу веков стоит великий Гау-Граз.

Адигюль. Тайному знанию ее учила бабушка, Дарима-ани, тоже первая дочь своих родителей. Улыбка Могучего. Мать – ее вторая дочь, и она уже сейчас побаивается Адигюль.

Адигюль может взять да и послушаться матери или старших братьев, а иногда даже отца! Она может сама избрать себе жениха и, надо сказать, уже поглядывает по сторонам: вспомнить только щуплого Арваза, да и не его одного. За трапезой она получает свою миску сразу же вслед за Айдабеком, первым сыном в семье; впрочем, Айдабек уже больше года не возвращался с войны, и неизвестно, жив ли он до сих пор.

Ее платья – из самого тонкого узорчатого полотна, накидка окрашена соком марены, а чеканку на серебряном поясе можно рассматривать часами, – когда Адигюль позволяет. Платья Мильям тоже красивые, потому что достались ей от сестры, но по этой же причине залатанные, штопаные, а накидка изношена настолько, что, глядя сквозь ткань, можно пересчитать виноградные кисти на лозе… Старшая дочь. И для семьи было бы лучше, если б она осталась единственной.

Это сыновей должно быть много. Они ведь каждый день гибнут на границе.

…Когда на закате Мильям с младшими братьями вернулась к жилищу, толпа на подворке заметно поредела. Но – была. И это означало, что еще не кончилось.

– Не разродится, – уверенно высказалась Захраб.

– …да неведомы замыслы, – прошелестел голос какой-то другой женщины.

В наступающих сумерках Мильям ловила на себе взгляд за взглядом – жалостливые, горькие… обвиняющие?… Казалось, что все смотрят на нее, на нее одну! – и, может быть, догадываются. В самом деле, не могли же они тогда не видеть…

Это она виновата. Она посмела омочить пальцы в воде источника Тайи. Прогневить силы, которые… это же еще хуже, чем если б разбился кувшин, и о чем она думала раньше?! Мильям взглянула на свои руки: темные, худые, все в цыпках. Насмешка Могучего… И мать, конечно, уйдет к Нему. Давить небесный виноград для пира убитых воинов, как назначено всем женщинам, умершим в родах. И солнце никогда не увидит ее ребенка.

Внезапно толпа вспенилась, закрутилась, как воды Терзы между подводными скалами. Весть пронеслась над головами, словно лесной пожар на склоне Изыр-Буза, когда огонь трещит по верхушками деревьев, не спускаясь вниз…

Отпустив подол платья сестры, рванулись вперед Нуэт и Асалан. Выступил из-за чьих-то спин Хас, неизвестно откуда возник и старший брат Сурген, четвертый сын в семье, который выше любого мужчины в селении, хоть еще и не посвящен оружием… Мильям осталась на месте. Больше всего на свете ей хотелось стать невидимкой, как это умеют делать серые ящерки, живущие в придорожных камнях.

И ей это удалось. Отец – большой, грозный, с пыльным ветром и запахом войны в крыльях косматой бурки, – прошел через расступившуюся толпу, мимолетно коснувшись каждого из сыновей, но не заметив, ни на мгновение не поискав взглядом ее, Мильям.

Впрочем, если б она тоже выскочила ему навстречу, если бы загородила дорогу, – ничего бы не изменилось.

Отец вошел в жилище.

Все, кто находился на подворке, разом стихли, даже старая Захраб. Сквозь тишину из темной, закрытой для всех глубины жилища донесся тихий, натужный стон. И еще один... и еще...

Мильям больно закусила губу. О Матерь Могучего, помоги!.. Ты ведь и сама тоже...

Но Она не услышит. С Ней может говорить только первая дочь в семье. Чем она сейчас занимается там, в жилище, эта вертихвостка и задавака Адигюль?!!..

И тут раздался новый звук.

Тот самый.

И все выдохнули одним общим дыханием, и заговорили, загадали, запричитали, и никто никого не слушал, и от этого общего бабского гула хотелось бежать, зажав уши, – если бы не главное, чего никто еще не знал и что крепчайшими путами удерживало всех на подворке.

Мильям встала, пробралась между чьими-то спинами почти к самому пологу жилища. Братья были уже здесь, и Хас со злобной силой ткнул ее локтем в бок. Мильям ничего не почувствовала.

Полог взметнулся в сторону и вверх. Отец шагнул вперед, и все умолкли.

– Могучий подарил мне восьмого сына. Имя ему – Абсалар.

Прижимая к себе край бурки, он пересек подворок и вышел на дорогу, – туда, где ждал, мотая спутанной гривой, взмыленный конь, только что преодолевший кратчайший, а значит, самый трудный путь по горным тропам от границы к селению. Отец вспрыгнул в седло, и конь тронулся с места послушно и легко, и застучали копыта, и все быстрее, быстрее понесся всадник вдоль виноградников...

На его груди заливался истошным воплем новый защитник Гау-Граза.

* * *

– Смотри.

Ахсаб сложила вместе ладони и накрыла маленьkim жилищем пеструю волосатую гусеницу. Гусенице не понравилось, и она попыталась выползти из-под маленьких пальцев с обкусанными ногтями, но Ахсаб не пустила, плотнее прижав руки к земле. И зашептала, забормотала что-то: как ни старалась Мильям, ей не удалось разобрать ни единого слова.

Лицо Ахсаб стало странным – как если бы она спала с открытыми глазами и смотрела очень интересный, но никому больше не видимый сон. Четыре черные косички – тоненькие, не то что у Мильям, – размеренно покачивались из стороны в сторону.

Вдруг она тихонько вскрикнула и убрала руки.

На земле, беспомощно трепеща крыльями, сидела большая красивая бабочка. Мильям восхищенно выдохнула. Ахсаб отряхнула с ладоней чуть-чуть пыльцы:

– Вот.

– А она умеет летать?

– Не знаю. Научится, наверное.

Мильям протянула бабочке указательный палец. Та щекотнула ее усиками и доверчиво перебралась на него, некрепко уцепившись дрожащими ножками. Мильям поднялась с корточек, вытянула руку вперед: бабочка вцепилась в палец крепче. С ее желтых крыльев испуганно смотрели голубые и красные глаза с черными каемками.

– Посади на дерево, – посоветовала Ахсаб. – Она тебя боится.

Бабочка очень не хотела покидать палец Мильям, но в конце концов ее удалось стряхнуть на толстую ветку яблони, усыпанную новорожденными зелеными плодами. Там она сложила крылья, отчаянно стараясь казаться неприметной. Вокруг удивленно порхали мелкие и неказистые яблоневые плодожорки.

Мильям сглотнула. Спрашивать было нельзя, она знала, – но хотелось настолько остро, до дрожи и холода в груди, что вырвалось само собой:

– Как… ты это делаешь?

Ахсаб искоса глянула на нее прищуренными глазами. Так, будто была на две головы выше ростом:

– Тебе-то зачем?

Если б в ее голосе было хоть чуть-чуть меньше гордости и презрения, Мильям бы стерпела. Есть зима и лето, горы и виноградники, овцы и козы, мужчины и женщины, первые и вторые дочери в семьях. Так устроен мир, и глупец тот, кто захочет, чтобы виноград вызревал зимой, а женщины уходили на войну. Но эти уничтожительные искорки в глазах Ахсаб… сокрушительное, словно лавина с вершины Ала-Вана, превосходство в ее словах…

Мильям ничего не ответила. Молча, сжав зубы и тоже сузив глаза так, что весь мир превратился в одну расплывчатую щель, кинулась вперед и вцепилась обеими руками в тонкие, как голые осенние лозы, скользкие от масла косички.

…Разошлись, тяжело сопя и осипшими голосами выкрикивая друг другу оскорблений, уже бесполезные, обкатанные, будто камешки со дна ручья Азру. Жидкие волосы Ахсаб черными перьями торчали во все стороны, под глазом наплыval синяк, платье было разодрано отворота и почти до пупа, а накидка втоптана в пыль. Мильям удовлетворенно перевела дыхание. Правда, ее косы и одежда тоже пострадали, а щека, судя по всему, расцарапана до крови. Но это ничего, заживет… жалко только накидки, ветхая ткань которой трепетала на ветру лентами-лепестками…

И тут раздался смех. Изdevательский, звонкий, двойной.

Смеялись Нуздет и Асалан. Смеялись самозабвенно, раскачиваясь и держась за животы, и каждый казался отражением другого в гладкой воде высокогорного озера Гюль-Баз. На мгновение умолкли, потом переглянулись и расхохотались с новой силой. Действительно, что может быть смешнее, чем подравшиеся неизвестно из-за чего старшие девчонки?

Тыльной стороной ладони Мильям вытерла саднящую щеку, посмотрела. Правда, в кровь. Отыскала взглядом глаза Ахсаб и с восторгом заметила в них тень испуга. Самое время налететь снова, безжалостно, как скальный сапсан нападает на бурую крысу…

Но близнецы явно пришли не просто так. Во всяком случае, уходить они, похоже, не собирались.

– Чего вам? – зло бросила Мильям.

– Мать зовет тебя, – не без насмешки сообщил Асалан.

– Сурген уходит на посвящение оружием, – добавил Нуздет.

– Сурген? – удивленно переспросила она.

Высоченный Сурген – его всегда можно попросить достать мяч, застрявший в ветвях яблони. К нему так здорово забраться на плечи, когда в селение приходят актеры и толпа окружает их плотным кольцом. Веселый и добрый, не то что Хас… Но Сурген еще не вошел в возраст! Мать всегда напоминает об этом подружкам Адигуль, так и норовящим повиснуть на его широкой груди…

– Ну да. Чтоб отцу два раза не ездить, – по-взрослому пояснил Асалан.

Мильям кивнула. Да, конечно… Мужчина возвращается домой с войны в трех случаях: чтобы зачать сына, чтобы дать сыну имя и чтобы взять сына с собой. Путь от границы неблизок и труден, и обычно какие-нибудь две вещи мужчины совмещают… А Сурген и без того вырос и возмужал гораздо раньше срока.

Подтянула шаровары, оправила платье: придется подлатать на плече, а вот что делать с накидкой?… впрочем, неважно. Вряд ли кто-то заметит ее – не только накидку, но и саму Мильям, – на многолюдном празднестве, где собираются гости со всех окрестных селений. Всего лишь вторую дочь Азмет-вана, уводящего на посвящение оружием своего четвертого сына.

Ахсаб уже сообразила, что продолжения драки не будет. Подняла с земли и вытряхнула накидку, затем предусмотрительно отступила на несколько шагов назад и закричала:

— А еще я умею превращать камешки в цветы! И разговаривать с птицами! И очищать источники! И вызывать духа лунной травы! И лечить кашель! И...

Но Мильям твердо решила ничего не слышать.

* * *

— ...а что говорить? Отсиживаются в своих стеклянных укреплениях, жабье отродье. И прямо оттуда расстреливают все наши атаки.

— Глобалы всегда были трусами. В мое время за одну смердящую шкуру приходилось положить трех-четырех воинов, не меньше.

— Ты будешь мне рассказывать, Асур! Да в тот день, когда я выехал, двенадцать наших... И ни единого глобала мы не достали. Ни единого, понимаешь?! Они же не высываются, змеиный выплод, а стекло ихнее ни автомат не берет, ни базука...

— А из гранатомета?

— Не знаю. Теперь на всей границе остался только один, на заставе Зограб-вана. Приграничные, рыбья слизь, задрали цены, как юбку у шлюхи.

— А если попробовать...

Одноногий Асур-ван, мастер по оружию, обучал военному делу мальчиков четырех окрестных селений. И, как показалось Мильям, его единственного в собравшейся на празднество толпе — большей частью женщины, старики и юноши, еще не вошедшие в возраст, — отец считал равным себе. Потому, едва произнеся первый тост за сына, постарался неприметно отойти от накрытых циновок, пестрыми зигзагами протянувшихся вдоль плетеной изгороди.

Монотонно бренчали струны, отзываясь на редкие ритмичные удары бубна. Посреди подворка, слегка касаясь друг друга спинами, танцевали четыре девушки с прозрачными покрывалами на вытянутых руках. В воздухе, почти заглушая музыку, стоял обычный многоголосый гомон. А в широкой тени платана негромко беседовали двое мужчин, которые кое-что знали о войне.

Мильям не собиралась подслушивать, — просто ее оттерли от циновки, и хорошо, что с большим куском сырной лепешки в руках. Ни Асур-ван, ни отец не замечали съежившуюся в комочек девчонку, — хоть иногда и скользили равнодушными взглядами над ее головой. И она украдкой рассматривала отца: профиль хищной птицы, треугольник жгуче-черного глаза, резкая белая прядь в усах... За те три дня, что он провел дома, Мильям услышала от него лишь одно слово, обращенное именно к ней, и слово это было «вон».

...— А тротил? И сразу же ударить по всем направлениям. Проверенный способ, Азмет. Глобалы легко впадают в панику.

— Не проходит. Эту тактику они давно раскусили.

— Значит, надо видоизменить. Но суть-то остается та же, ты ведь не станешь говорить, что они больше не боятся смерти...

Отец расхохотался — так страшно, что Мильям мгновенно отвела взгляд. И чуть-чуть отодвинулась в сторону: теперь в просвет между чими-то колышущимися спинами ей был хорошо виден Сурген.

Он держался очень прямо, и потому даже сидя был на полторы головы выше всех вокруг — даже если не считать вороной папахи, гордо взмывшей над его сведенными к переносице бровями. Такой серьезный и такой красивый: алый башлык переливается золотой нитью, серебряные трубочки газырей сверкают на черном сукне бешмета. На поясе настолько тонкая и причудливая чеканка, что Адигюль, которая уже успела придвинуться чуть ли не на место отца — по левую руку от брата, — спрятала под накидкой свой, топорный и тусклый. А как изукрашены

прикрепленные к поясу ножны кинжала, пистолет с длинным дулом и отделанная серебром пороховница!.. Мать, сидевшая справа от Сургена с маленьким Абсаларом на руках, не сводила восхищенных глаз со своего взрослого, нарядного, готового к войне четвертого сына.

Вот только Сургену недолго ходить в этой богатой одежде – на границе, рассказывала когда-то Ахсаб, все воины сразу переодеваются в купленный у приграничных пятнистый и уродливый… как его… камуфляж.

Впрочем, Мильям и сама это знала. Именно в камуфляже, грязном и заскорузлом от крови, прошлым летом привезли домой старшего брата Харсуну, второго сына в семье. Вон сидит у крайней циновки его вдова, успевшая стать матерью двоих сыновей. Пройдет еще год, и ее, возможно, кто-нибудь снова возьмет в жены. Может быть, даже Сурген, уже посвященный оружием… может.

– …слишком молод. И, скажу честно, он не был у меня самым способным учеником, Азмет. Я бы на твоем месте подождал, пока парень войдет в возраст.

– Ты не представляешь, что сейчас творится на границе, Асур. Я не могу так часто отлучаться, я – командир. И у меня каждый ствол на счету.

– Но…

– Сурген – мой сын. Он не может не стать хорошим воином.

Слова отца разнеслись по всему подворку, отчетливо прозвучав в тишине. В тишине? … Мильям поднялась и привстала на цыпочки. Действительно: музыканты прекратили игру, юные танцовщицы сложили покрывала и присели в рядок у циновки, а многоголосая толпа, прошелестев напоследок тихим шепотом, словно угасающий ветер в винограднике, умолкла, приготовившись слушать.

И Мильям, восторженно затаив дыхание, приготовилась тоже.

Он долго устраивался посреди подворка, кряхтя, что-то бормоча себе под нос и покрикивая на мальчика, который так и сяк укладывал для господина мохнатую кошму. Потом старик битый час настраивал струны, низко склоняясь к ним глуховатым ухом. Но все давно к этому привыкли. И готовы были ждать, сколько угодно, – когда он начнет говорить.

Сам Карапар-ван. Сказитель, чья слава разнеслась по всему Гау-Гразу.

* * *

– …И снова пришли чужие воины, и лилась кровь, и горели селения, и плакали женщины. А правители широких равнин вновь и вновь клялись своими ложными богами, будто хотят мира и любви. Мира, в каком живут владыки с рабами, любви, какой ван предается со шлюхой. Так повелось от века, люди широких равнин всегда мнили себя господами. Их лживые речи и кровавые клинки от века были направлены в одну цель – свободу великого Гау-Граза.

И был день, подобный ночи, и была буря, подобная огню, и взметнулась земля, и наши древние горы сошли с мест и шагнули навстречу чужакам. Восемь дней и восемь ночей земля спорила с небом, раскаленные камни и мутные потоки без жалости настигали пришельцев, а тайная долина Варн у подножья отца гор Ала-Вана, за тройною спиной неприступного Кири-Гава, хранила детей Гау-Граза.

И был девятый день, и сказал Могучий устами славного Тизрит-вана: это наша земля. В силах вольного народа сделать так, чтобы нога чужеземца вовек не осквернила границы Гау-Граза. Наши древние горы помогут нам нести стражу, а наши женщины рожают нам больше сыновей, чем возьмет война. И ответили славные ваны: да будет так! И стеной встали вдоль границы, и сыновья, вошедшие в возраст, встали с ними, готовые принять посвящение оружием.

И была битва…

Предание о славном Тизрит-ване, вечной войне и священной свободе Гау-Граза всегда произносилось в день проводов юноши на посвящение оружием. Мильям слышала его во второй раз. Когда уходил старший брат Айдабек, она еще не родилась, проводов Харсуну не помнила – была совсем маленькой… Но прошло всего девять месяцев с тех пор, как на войну отправился третий сын в семье, Избек, – тогда же, должно быть, был зачат восьмой, Абсалар. Для которого Каалар-ван тоже когда-нибудь произнесет это предание…

Мильям не сомневалась, что Каалар-ван так же вечен, как его легенды.

Он закончил, напоследок несколько раз перебрав струны. Мальчик уже держал наготове глиняную пиалу кумыса – сказитель никогда не пил вина. Восхищенная тишина постепенно наполнялась звуками: поначалу негромкие, они стремительно набирали силу, будто селевой поток из урочища на склоне Кур-Байги.

И вдруг разом оборвались. Потому что отец, славный воин Азмет-ван, – это о нем, о нем тоже только что говорил сказитель! – просто обвел толпу повелительным взглядом.

Он уже сидел на своем месте у циновки, по левую руку от Сургена. Пришло время последнего обряда, совершающего перед тем, как оба воина отправятся в дорогу.

С еле слышным мягким звуком откинулся полог жилища. В проеме показалась Адигюль. Она успела переодеться в темно-лиловое платье без пояса, закуталась в длинную, шитую золотом накидку. На вытянутых руках – отдыхающими змейками поблескивали от локтей до запястий бесчисленные браслеты – первая дочь в семье несла серебряную чашу с золотым ободом, в который были вкраплены четыре пурпурных сверкающих камня.

Адигюль остановилась перед отцом и братом, опустилась на колени и протянула мужчинам чашу. Отец наклонился и, не касаясь чаши руками, сделал один длинный глоток. Затем отпил Сурген.

Воды из источника Тайи.

И еще по баклаге с этой водой каждый из них возьмет с собой на войну. А ведь вода – та самая… которую набирала она, Мильям. Тихонько улыбнулась, закрывшись краем накидки.

…Небо над селением стало совсем черным. На круглой, как яйцо, вершине Седу лежала луна, похожая на сырную лепешку. Затем два круга разъединились, пропустив между собой тоненькую полоску ночи.

Давно ушел Каалар-ван – он нигде не задерживался надолго, дорожая славой редкого и желанного гостя. Покинули подворок музыканты и танцовщицы, разошлись гости из соседних селений, да и местные потихоньку разбрдались по своим жилищам; время от времени кто-то спотыкался о циновку, опрокидывая, а то и разбивая в черепки пустую миску или кувшин. В воздухе стоял вечерний стрекот сверчков и кузнецов.

Но некоторые остались: темные, а потому большей частью неузнаваемые фигуры в лунном полумраке. Мильям заметила, как невысокий щуплый юноша – Арваз? – подошел со спины к Адигюль и обнял ее за плечи. Сестра предостерегающе подняла палец: молчи!.. слушай… сейчас!..

Навострила уши, вытянула вперед черепашью шею старая Захраб-ани.

Всплакнул ребенок, наверное, Абсалар, – и тут же умолк с хлебной соской, а может, и с материнской грудью во рту.

Мильям прислушивалась настолько пристально, что ночь казалась ей наполненной целой лавиной шумов, звонов, шепотов, шелестов… Нет, еще не слышно. Но уже скоро… как только они въедут на перевал Кену на вершине Изыр-Буза… так всегда бывает, и нельзя пропустить…

Бот.

Звук раздался так отчетливо, словно это здесь, сразу за плетеной изгородью, простучали копыта двух коней, унося Сургена и отца на древнюю вечную войну Гау-Граза.

* * *

— А мне не очень понравилось, — сказала Ахсаб. — Я не люблю про битву. Я люблю про Тизрит-вана и прекрасную Галибу. И про волшебницу Мейну.

— Я тоже люблю про Мейну, — вздохнула Мильям. — Но это же только на свадьбах...

Солнце уже припекало, будто в самом разгаре лета, и девочки перебрались в тень. На ярко-синем небе нестерпимо сверкала снежная вершина Ала-Вана, а остальные горы уже сдались, сбросили белые накидки. Мильям подумала и последовала их примеру — а что, жарко же! Да и кто увидит здесь их с Ахсаб?... все заняты повседневной работой теплого времени года. Ей самой сегодня надо еще сбить масло, испечь лепешки, обобрать зеленых гусениц с виноградных листьев...

— А у вас скоро и будет свадьба, — сообщила Ахсаб.

— У нас?

Жалко, что вырвалось: мгновением позже Мильям сообразила, что Ахсаб имеет в виду Избека — до его возвращения остался месяц с небольшим. Но еще неизвестно, из какого селения он возьмет себе жену, а ведь основные празднества проходят в невестином доме.

И потом... но отец ничего не говорил об Избеке. А сказал бы.

— Ваша Адигюль выходит замуж. Ты не знала? А моя мать уже готовит жениховы дары.

— Твоя мать?!

Ахсаб снисходительно рассмеялась:

— У них давным-давно договорено. Еще до того, как мой брат Мухатбек ушел на посвящение оружием. Он вот-вот вернется и сразу пошлет дары, — она мечтательно вздохнула. — Ты б видела, Мильям, какие там покрывала...

— А...

— Ты про Арваза? Да ну его, просто твоя сестра решила повеселиться перед свадьбой. Адигюль обещалась Мухатбеку. На проводах она подала ему воду из источника Тайи, вместо меня, представляешь?! А это значит — на жизнь и на смерть.

— На смерть... — неслышно повторила Мильям.

Последние слова Ахсаб почему-то поразили ее гораздо больше, чем новость о скором замужестве Адигюль. О воинах не говорят — смерть. Умирают женщины, старики, маленькие дети... и еще трусливые глобалы — они, как известно, зубами цепляются за свои смердящие шкуры. Воины Гау-Граза уходят к Могучему, который ждет их на пиру и рад каждому гостю. Но почему же так больно — когда уходят?!

Она почти не помнила Харсуну, чье тело привезли в селение прошлым летом. Совсем не знала Айдабека — впрочем, его еще никто не видел убитым. Но Сурген...

Лучше не думать.

— Это только так говорится — на смерть, — пояснила Ахсаб. — Ну, заклинание. А Мухатбек точно вернется. Твоя сестра его держит, понимаешь?

Ее лицо вдруг стало загадочным — почти как вчера утром, когда они подрались из-за бабочки. Мильям сама пришла мириться: Ахсаб же не виновата, что родилась первой дочерью в семье. Само собой, она гордится своим тайным знанием. Так устроен мир, и устроен он справедливо... Справедливо!..

Это она, Мильям, словно неточная линия в чеканке, портит правильность и гармонию мира. Ну почему ей так хочется знать то, чего не позволено от рождения? Почему она все время думает об извечных, предопределенных вещах так, будто их возможно изменить?! И даже будто она... могла бы...

— Как держит?

Прикусила язык. Но Ахсаб сегодня не была настроена задаваться, свято храня древние тайны. Наоборот, ей самой не терпелось поделиться, похвастаться, рассказать:

– За шнурок. Из его и своих волос, с нитью из черной овцы и, кажется, еще с какой-то травой... я знаю, только забыла. Главное, конечно, чтобы он пролежал ночь в новолуние под Соколым камнем, и чтобы обязательно дождь, ну, и заклинание... А потом разрезают напополам. И он точно вернется... тот, у кого половинка.

– Правда? А если глобалы его...

Ахсаб пожала плечами:

– Можно, конечно, еще попросить Матерь Могучего, чтоб оберегала... но за шнурок вернее.

Мильям прикусила губу. Над вершиной Ала-Вана мохнатая туча, похожая на овечью шкуру, закрыла солнце, и оно выпустило между завитками небесной шерсти сноп ярких горящих стрел.

Значит, любой воин может остаться в живых, не уйти на пир Могучего, не пропасть без вести, не вернуться домой трупом в заскорузлом камуфляже. Если только этого захочет девушка, которая...

Первая дочь в семье.

....— Ты чего?

Мильям вздрогнула:

– Я пойду, Ахсаб. Поздно уже. Лепешки... и гусениц надо обобрать с винограда...

Она старалась идти медленно – пока Ахсаб могла ее видеть. Потом прибавила шагу, сорвалась, побежала, все быстрее, быстрее... Сурген. Его точно убьют в первом же бою, он же такой высокий и широкоплечий, в него так удобно стрелять. А вертихвостка Адигюль тем временем держит за половинку шнурка какого-то Мухатбека, о котором, наверное, и думать забыла, тискаясь на виноградниках с недоростком Арвазом... И ничего нельзя поделать. Так устроен мир. Справедливо...

Тяжело переводя дыхание, остановилась под яблоней. Той самой, где вчера они с Ахсаб... В траве что-то желтело, и Мильям опустилась на корточки.

Внизу под яблоневой веткой лежала мертвая бабочка. Черные муравьи уже облепили ее со всех сторон, деловито отгрызая ножки и крылья.

Глава третья

– Привет.

– Ничего себе!

В дверном проеме стоял Винс. Шагнул вперед, и створки сомкнулись за его спиной. Вот это явление!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.